

Цирковая Мышь

Стальное сердце
под дуговой пылью

16+

Цирковая Мышь

**Стальное сердце
под угольной пылью**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Цирковая Мышь

Стальное сердце под угольной пылью / Цирковая Мышь —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Мы не выбираем родину, родина не выбирает нас. Хочешь не хочешь приходится уживаться. И ей, а может и ему, ничуть не легче, чем нам. Эта история об одиночестве, о непонимании, о желаниях и грёзах, но не о любви. Не верьте главным героям.

Содержание

1 глава	6
2 глава	12
3 глава	17
4 глава	22
5 глава	25
6 глава	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

...аж за Байкал отброшенная попятится тайга...

1 глава

Ливень. Он накрыл собой весь город. Воздух побелел от дождевых струй. Мир исчез. Потоки воды с окружающих город холмов превратили улицы города в бурные реки. Встали трамваи, прижались к kloкочущим обочинам автомобили, и только редкие автобусы, бывалые, прошедшие через февральские заносы, упрямо ползли вперёд.

В маленьком двухэтажном здании на окраине жилого массива в окружении белых халатов в самый разгар непогоды вошёл в мир ещё один человек. И первый испуганно-возмущённый крик младенца смешался с неистовым стуком капель в оконное стекло.

Постепенно ливень стих, ушёл, оставив после себя мелкий дождик, озёра луж и быстро иссякающие потоки на взъерошенных улицах. Молодая мать подошла к окну палаты. На проезжей части у коричневой лужи сидел большой мокрый рыжий пес и смотрел на неё внимательными глазами. Длинная шерсть пса топорщилась во все стороны сосульками. Он неподвижно сидел под дождём и не сводил глаз с окна роддома. Женщине почудилась странная осмысленность в его взгляде. Ей казалось – он чего-то от неё ждёт. Медленно, объезжая лужи, проехала машина. Пес лениво отошёл на тротуар, обнюхал асфальт и сел. Взгляд его был направлен в то же окно.

Женщина ходила к общему холодильнику в коридоре за варёной куриной ножкой, которую, несмотря на все увещания о непереносимости запаха мяса, передали с гостинцем родные, и через открытую форточку бросила её псу. Пес, виляя хвостом, подбежал к подачке, обнюхал и проглотил в один присест. После чего облизнулся и вернулся на прежнее место. Он снова смотрел в окно.

Он оставался на своём посту не менее часа, пока женщина не поднесла к окну младенца: сморщенную желтушную девочку. Увидев ребёнка, пес вскочил. Хвост его заметался из стороны в сторону. Женщина улыбнулась. Пес со вкусом потянулся и неторопливо, с ленцой, ушёл во дворы.

Девочка росла и познавала мир. Сначала мир был совсем маленьким. Он вмещал в себя лишь железную дорогу за окном и тополинный двор. Девочка росла, и вместе с ней рос мир. К трём годам он вмещал около десятка улиц, зелёных от вездесущих тополей летом и белых от снега зимой. Девочка любила зиму. Зимой её долго катали на санках по освещённым оранжевыми и жёлтыми фонарями улицам. Зимой падение не приносило боли. И именно зимой всегда праздновался Новый год. Лето, конечно, тоже наполняли свои радости, но зима всё-таки была лучше.

В пять девочка знала имя города и основные улицы трёх районов. Значительно позже, став совсем взрослой, она осознала, что город никогда не был таким большим, как в те времена.

В пять лет она уже знала, что живёт не в самом хорошем городе. В нём грязный воздух и пыльные улицы. Однажды летом через окно трамвая она увидела тёмно-красные пятна и лужи на тротуаре у ювелирного магазина. Город оказался не только сер и грязен, но ещё и жесток.

В семь в девочке проснулась жажда исследования. Её манили новые, не увиденные дворы, скверы и улицы, лежащие за пределом привычных маршрутов. Она много раз просила маму пройти куда-нибудь новой дорогой, но мама каждый раз говорила, что времени им хватает только на самый короткий путь.

Не получив понимания взрослых, девочка решила действовать самостоятельно. Каждый день она шла из школы новой дорогой. Каждый день её мир становился чуточку больше. Соседние дворы и улицы, одновременно одинаковые и разные, иногда скрывали в себе настоящие сокровища. Ржавые скрипучие качели, одуванчики размером с кулак, полупрозрачные камушки... Счастье закончилось через три недели, когда мама, вернувшаяся с работы раньше

обычного, не застала её дома. После долгой и нудной ссоры изучение окружающего пространства было отложено до более самостоятельных времён.

Подростком девочка побывала во всех районах города, научилась срезать дорогу по дворам и тихим, не магистральным, улицам и осознала, что город, в сущности, невелик: из конца в конец не более двух часов на автобусе. Девочке нравился город, весь, с заводами и парками, холодной, почти горной рекой и не улыбочивыми людьми, шахтами и бесконечными тополями, пронизанный железнодорожными ветками, окруженный гривами и сопками. Чем старше она становилась, тем меньше людей понимали её. На пороге совершеннолетия ей казалось, что она единственный человек в городе, который любит его.

Она сидела сентябрьской ночью в траве над обрывом. Под обрывом лежала железная дорога, чуть дальше, за линией тополей текла река. За рекой светился центр города. Свет, дрожа, отражался в воде, порывался уплыть, подхваченный невидимым во тьме течением, но оставался на месте. С реки время от времени дул холодный влажный ветер, и тогда за спиной девушки чуть в отдалении шумели деревья.

Она сидела в траве и всеми органами чувств впитывала в себя окружающий мир. О дневном городе она знала почти всё. Ночной город она познавала впервые. Ночью город становился иным. С его улиц исчезали люди и автомобили. Смещение ярко освещенных улиц и тёмных парков, переулков, дворов повышало контрастность, делало город более выпуклым. Ночью город приобретал особый густой запах. Она медленно вдохнула носом.

Ветер взъерошил траву, зашелестел листьями. За спиной девушки, среди редкого подлеска, зажглись белые глаза. Большой пепельно-белый волк медленно и бесшумно вышел на открытое пространство. Он не отрывал взгляда от тёмного силуэта у края обрыва. Широкие лапы бесшумно раздвинули траву. Девушка запрокинула голову, стараясь разглядеть в чёрно-бордовом небе хотя бы одну звезду.

Зверь неторопливо приближался. Мягко ступали лапы. Она вязала узлы из травинки и считала огни на том берегу. Треснула и зашуршала отломившаяся от ствола засохшая ветка. Она машинально оглянулась на звук. Её глаза успели уловить нечто бесформенно бледное за доли секунды метнувшееся в овраг.

Девушка встала и подошла к краю оврага. С его дна, из тьмы, блеснули два белых огонька и тут же погасли. Девушка наклонилась над оврагом, стараясь разглядеть в наполняющей его темноте хоть какое-то движение. Ничего. Только тьма и тишина. Она решила, что ей почудилось.

Через полчаса она шла по прямой и длинной улице центра города. Мимо тёмных магазинов, отключенного на ночь фонтана, спящего цирка и дремлющего в полглаза парка. Где-то в его глубине горел костёр.

За парком высился массивный драматический театр с титаническими колоннами вокруг главного входа. Фонтан у театра не отключали. Он с тихим журчанием светился всеми цветами радуги. Она села на бортик. Взгляд её скользил по пустой театральной площади. Вечерами она заполнялась подростками и студентами, кучковавшимися по интересам. Иногда одна из групп приносила гитару, и тогда площадь заполнял нестройный хор звонких голосов.

Девушка наклонилась, погладила воду и продолжила путь. От театра она свернула на узкую полуосвещённую улочку. Она шла по растрескавшемуся тротуару и думала о каких-то глупостях. Внезапно девушка остановилась и заморожено прислушалась, не веря своим ушам. Затем она сделала несколько шагов, остановилась и задрала голову. Из открытого тёмного окна на третьем этаже громко и отчётливо звучал Тальков. В спящем городе, на маленькой пустой улочке из тёмного окна лилась музыка. Девушка замерла. Её взгляд не отрывался от распахнутой рамы. Она хотела увидеть этого человека, узнать, почему он не спит. Но проём окна остался пуст. Девушка повернулась и зашагала дальше. Через десяток шагов музыка за спиной стихла.

Она вышла на широкую залитую оранжевым светом фонарей улицу с трамвайными рельсами по центру. Ночь плавно переходила в утро. Небо ещё оставалось тёмным, но воздух стремительно холодел. Ей захотелось домой, под уютное одеяло. Мимо промчалось такси. Она зашагала к дому. Мимо площади Маяковского, по мостику через речку Абушку, вдоль путеводной нити трамвайных путей. У площади общегородских празднеств возле девушки затормозил автомобиль. Водитель опустил боковое стекло.

– Сколько?

Она не сразу сообразила о чём он.

– Нисколько. Я просто гуляю.

– Давай тогда покатаю. Повеселимся. Пошалим.

Она решительно пошла дальше, игнорируя навязчивого незнакомца. Он некоторое время медленно ехал рядом, уговаривая и лстя, пытался взять на слабо и задеть женскую гордость. Девушка шла вперёд. Мужчина выкрикнул короткое звучное оскорбление и нажал на газ. Она шла домой.

Постепенно остались позади центр города, Кузнецкий мост и Топольники. Она шагала по узкой полоске асфальта – слева храм, справа кольцевая развязка. Ещё километров семь и она дома.

Миновав развязку, девушка посмотрела на свежестроенный, ещё не открытый торговый центр. Раньше на этом месте было трамвайное кольцо с тремя слоями путей. Трамваи, красные и голубые, собирались там парами, группками и целыми собраниями. Крупное столпотворение, захватывающее все три круга рельс бабушка называла «трамвайной свадьбой». Девушка улыбнулась.

Дальше, вверх по улице, дважды заброшенный кинотеатр. Большие выпуклые буквы названия сняли, но на стене над входом остался их тёмно-серый контур. Девушка вспомнила, что давно, в ещё не отреставрированном здании она вместе с детсадовской группой впервые смотрела мультики на таком большом экране.

Девушка шла домой через знакомое до последней трещины пространство. В этих краях она выросла, по этим тротуарам её катали на санках. Всё знакомое и родное. Ликероводочный завод, сквер с бетонной стелой. Она шла вперёд. Там во дворах – бывшая школа, бывший детсад, бывший двор. Желание свернуть вспыхнуло настолько сильно и ярко, что защемило в груди. Вернуться на пару минут, прикоснуться к ржавой лесенке... Усилием воли девушка подавила приступ ностальгии. До дома предстояло ещё идти и идти. Шаг за шагом по улице из хрущёвских пятиэтажек.

Она прошла последнюю жилую остановку, дальше только промзона и заводы, когда рядом с ней затормозил ещё один автомобиль. Водитель вышел из машины.

– Садись – подвезу, – незнакомец, мужчина «глубоко за сорок», закурил.

– Я не буду с Вами спать, – девушка настороженно держала дистанцию.

– Больно надо! – мужчина обнажил в улыбке зубы. – Садись, говорю, пока не передумал.

Не обижу.

Мужчина сел за руль и пару раз негромко бибикнул. Девушка, посомневавшись, неловко упала на заднее сиденье и хлопнула дверцей. Машина тронулась с места.

– Мне...

– Я знаю, куда тебе надо. Мне в соседний подъезд. – Мужчина посмотрел на девушку через зеркальце.

Её покинули последние сомнения в благонадёжности водителя. Она приняла его за одного из многочисленных знакомых мамы.

– Не страшно одной ночью по улицам шастать?

– Нет.

– А если обидят? Сама же знаешь, какой у нас город.

Девушка скорчила пренебрежительно-скучающую гримасу. За окном проплыли светящиеся красными лампочками трубы алюминиевого завода.

– Эх! Была бы ты моей дочкой – выпорол бы, чисто профилактически.

Оставшуюся часть пути они молчали. Она смотрела в окно, он недовольно курил.

Она сидела на паре и слушала монотонный голос лектора.

– Летоисчисление города начинается с постройки деревянного острога на землях шорцев, иначе кузнецких татар. Точное местоположение первого острога не известно. Существует несколько версий...

Она подавила зевок и потёрла закрывающиеся глаза, сказывалась ночная прогулка. Её одноклассники в большинстве своём записывали лекцию. Из оставшихся кто-то читал, кто-то зависал в интернете; двое за спиной девушки резались в морской бой, откуда-то доносился слабый запах лака для ногтей.

– Постоянное поселение было основано в 1628 году после выхода приказа о распашке земель под хлеб. Казаки, приехавшие служить на год, в результате этого приказа, остались в остроге и стали первыми славянскими поселенцами на территории нашего города.

С задних парт послышалось неразбочиво-саркастичное высказывание кого-то из парней. Преподаватель сделал вид, что ничего не слышал и продолжал монотонно рассказывать об основании и заселении города. Девушка легла на парту и закрыла глаза. Сознание плавно соскользнуло в сон.

Ей снился старый город на правом берегу Томи. Деревянный бастион на верхней кромке речной долины, возвышающийся над небольшим скоплением невысоких изб и домов. А за ними тонкой линией из небытия в небытие тянулась стена из не ошкуренных брёвен, обозначающая южную границу империи. За стеной шумела неизведанная, непокорённая, неосвоенная тайга.

Она проснулась от пронзительной трели звонка, ознаменовавшей окончание пары. Она собрала вещи и вместе со всеми вышла из аудитории.

Девушка спустилась на второй этаж и увидела нескольких одноклассниц у большой подробной карты города. Она подошла ближе. Контур города напоминали истерзанную подкову или, как любил говорить один из преподавателей, штаны с вывернутым карманом.

– Да что в этом городе ловить? Ни работы нормальной, ни культуры, ни мужиков. Никаких перспектив, – высказалась одна из одноклассниц. – Хочешь жить нормально – вали, не задумываясь.

Девушка задумчиво провела пальцем по перекрестьям улиц. Одноклассницы активно обсуждали, в какой город лучше всего переехать после окончания учёбы. Лидировал Санкт-Петербург. Девушка вспомнила проспекты из сталинок расходящиеся лучами от вокзала. Прозвенел звонок, началась новая пара.

После пар она решила прогуляться. Осень в этом городе не часто радовала солнечной погодой. Девушка прошла через территорию второй горбольницы. К высокому кирпичному зданию прилепилась белая часовня с небольшим колоколом. Девушку всегда интересовало: в ней чаще молятся о даровании здоровья или об успокоении души.

От больничной ограды через обычный городской пейзаж тянулся неширокий тротуар. Девушка шла, впитывая всем телом остатки летнего тепла. Дворы одним глазком, из-за открытой двери, выглядывающие на тротуар, прятались в тополиных тенях. Люди шли ей навстречу и обгоняли. У каждого из них были важные или не очень дела. У каждого было серьёзное сосредоточенное лицо. До праздного ленивого расслабленного вечера оставалось слишком много времени.

Там, где тротуар упирался в перекрёсток, у пешеходного перехода, стояла невысокая старушка с ведром небольших зеленовато-жёлтых яблок. Она раздавала яблоки проходящим мимо людям. Кто-то, бросив вежливый отказ, шёл дальше, но большинство брали яблоко из морщинистой руки, и лицо их озарялось детской улыбкой. Девушка остановилась возле старушки и получила своё яблоко. Ведро опустело уже наполовину. Девушка поблагодарила за угощение и перешла через дорогу.

Дальнейший её путь пролегал по длинной аллее меж двух дорог. Аллея была одним из немногих мест в городе, где тополя отсутствовали. По бокам заасфальтированной дорожки росли клёны, лиственницы и рябины, кое-где пышно разрослась сирень. Девушка откусила яблоко. Вкус оказался скорее кислым, чем сладким. Она откусила ещё раз.

В густой траве пара местных пьянчужек искала грибы. Проходя мимо, девушка заглянула в заляпанное белое ведёрко из пластика. На дне лежало несколько мелких лисичек.

Яблоко постепенно превращалось в огрызок. Девушка прошла через выложенную большими бетонными шестигранниками площадь перед двухэтажным магазином, на очередном перекрестке перешла через дорогу и вновь погрузилась в ажурные тени аллеи. На одинокой лавочке под пышной кроной старой рябины сидела женщина, покачивая ярко-оранжевую детскую коляску. Рядом играла в классики девочка лет пяти. Девушка улыбнулась ребёнку и забавно сморщила нос. Девочка показала язык и опасно посмотрела на мать. Женщина склонилась к коляске и что-то говорила малышу, мелкую проказу дочери она не заметила.

По верхушкам деревьев прошелестел холодный ветер. От яблока остался огрызок. Аллея закончилась, упершись в очередной магазин. Раньше на его месте был рынок, и бабушки, реже женщины средних лет, продавали на нём овощи, зелень, молоко и творог. Зимой на рынке появлялись крепкие мужчины в огромных меховых шапках и заполняли прилавки свежей свининой, рыбой и птицей.

Девушка прошла мимо магазина, выбросила огрызок в урну и спустилась в подземный переход. Половину прохода в нём занимали ларьки с фруктами, печеньем, одеждой и прочим товаром. Воздух наполняла невероятная смесь запахов. Наверху проехал трамвай, заполняя переход лязгом и грохотом.

Выйдя на поверхность, девушка прошла через развязку и вышла к Кузнецкому мосту. На берегу у самой воды стояла станция спасателей. На воде у причала покачивались три катера. По мосту с шумом проезжали машины. Вдоль реки дул крепкий влажный ветер. Девушка миновала рыбака, замершего с удочкой у ограждения. Она никогда не видела у таких рыбаков улова, что, впрочем, не означало его отсутствия.

Дойдя примерно до середины моста, девушка остановилась, положила руки на ограждение и слегка наклонилась. Внизу торчали низкие и ржавые опоры старого моста. Тёмная вода реки сердито бурлила вокруг булыжных насыпей. Девушка подняла взгляд. Русло плавно изгибалось между заросших тополями берегов. Там, где река, завершая изгиб, исчезала окончательно, виднелся ещё один мост. Девушка повернулась, ограждение упёрлось в спину. По ту сторону первым бросался в глаза изящный железнодорожный мост. За мостом кудрявились пышной растительностью многочисленные острова различного размера. Если подняться выше, можно увидеть, как река ветвится, словно олений рог. Там же, за железнодорожным мостом, невидимая отсюда впадала в холодную Томь тёплая Кондома.

По мосту прогремыхал трамвай. Девушка продолжила путь. За мостом раскинулись Топольники, полудикая роща реликтовых чёрных осокорей. Дорога разрешила её на две равные части. Девушка шла и рассматривала рощу. Деревья выглядели старыми. Тощие буровато-чёрные стволы воздевали над густым, не тронутым человеком подлеском светлые ветви. Листва уже начинала желтеть. В глубине что-то шелестело, трещало, скрипело. Топольники жили своей, неведомой людям, жизнью. Раньше эта местность была длинным никому не нуж-

ным островом. Люди не обживали его и не заготавливали на нём древесину. Тополь ни на что не годен. Только благодаря этому роща выжила.

Теперь место протоки, отделявшей тополиный остров от города, занимала железнодорожная насыпь. Перед дорогой она расступалась, и рельсы бежали по короткому мосту. Когда девушка подходила к нему, слышалось грохотание приближающегося товарняка. Она вспомнила глупую примету: если под мостом, по которому идёт поезд, положить на голову деньги, то их количество значительно увеличится. Девушка нырнула под мост и положила на голову сумку с двумя сотенными бумажками в кармане. Тяжело груженный поезд вылетел на мост. Пространство вокруг девушки наполнилось грохотом. Земля под ногами содрогалась в такт колёсам на стыках рельс. Кто-то из проезжающих мимо водителей негромко посигналил. Девушка знала, насколько глупо выглядит, но упрямо прижимала сумку к макушке. Поезд всё тянулся и тянулся через мост.

– Сумка тебя не спасёт.

Девушка вздрогнула от неожиданности и повернула голову на голос. Неподалеку стоял и насмешливо улыбался парень не старше двадцати. Девушка смутилась. По мосту отгрохотали последние вагоны. Девушка убрала сумку с головы.

– Неужели настолько страшно? – парень изучающе рассматривал её.

– Не твоё дело, – девушка чувствовала, как наливаются краской щёки.

– А чё, ты такая дерзкая? – парень засунул руки в карманы и выпятил грудь. – Я ж ласково, по-хорошему.

– Отвали!

Она выскочила из-под моста и быстро, едва не срываясь на бег, пошла к ближайшей остановке. Настроение было испорчено. За спиной раздался громкий смех. Она обернулась, чтобы показать неприличный жест... У моста никого не было. Она посмотрела на дорожку, ведущую к станции. Никого. Только постепенно затихающий смех.

2 глава

Она проснулась в восемь. Квартиру наполняла тишина. Девушка потянулась, надела футболку и отправилась в ванную. Умывшись, она вошла в кухню, поставила сковородку на плиту, плеснула масла, включила конфорку. Зашумел холодильник. Девушка достала из него упаковку яиц и остатки молока в пакете.

Взбивая в глубокой миске молочно-яичную смесь, она подошла к окну. Яркое солнце, рыжие сбрасывающие листву деревья, трава в жёлтых разводах. На горизонте заводские трубы. На сковородке зашипело. Девушка вылила в неё смесь и накрыла крышкой.

После завтрака она оделась, натянула кеды и вышла из дома. Солнце светило ярко, но не грело. Она шла по тихим, почти безлюдным дворам микрорайона. У школы дети играли в салочки. На площади каталась на роликах влюблённая парочка.

Вскоре девятиэтажки сменились частными дворами различной степени ухоженности. Она шла по тротуару вдоль дороги, протягивающейся через весь район. Псы за заборами позвякивали цепями. Из некоторых труб тянулся дымок. Откуда-то доносился стук топора. Пахло коровьим навозом.

За частным сектором, вплотную, без всякого перехода поднимались старые трёхэтажные дома. Девушка повернула направо и остановилась на перекрёстке, ожидая разрешающего сигнала светофора. Слева через дорогу располагался приземистый тёмно-серый дом культуры. Девушка вспомнила, как её туда водили на бальные танцы. Танцевать она не любила и разучиванию изящных плавных движений всегда предпочитала висение на балетном станке вниз головой. После третьего занятия её выгнали. Мама тогда была очень расстроена.

На светофоре замигал зелёный человечек. Девушка перешла на ту сторону и по разбитой в щебень дорожке мимо школы для особых детей вышла к Байдаевскому мосту. Она всегда считала этот мост самым красивым в городе. Узкие высокие опоры держали над Томью перекрестья красных стальных балок с пунктиром болтов по краям.

Под ногами девушки вибрировали, пружиня, рифлёные стальные листы. Далеко внизу между отмелей пробиралась река. Мост гудел под колесами автомобилей. Она шла, опасливо придерживаясь за ограждение. Казалось, чуть усиль шаг, и пружина стального листа перебросят через перила. Кое-где листы неплотно прилегали к балкам, и в широких зазорах блестела вода.

За мостом она спустилась на дамбу. Между рекой и дамбой росли высокие крепкие тополя. По другую сторону миниатюрным озёрным краем раскинулись затопленные карьеры. Большую часть их берегов занимал дачный посёлок. Остальная территория превратилась в пляжи. Многочисленных отдыхающих не пугали экскаваторы, активно добывающие песок, гравий, глину и гальку на свежем участке поймы. Для самых смелых стояли шлагбаумы и предупреждающие таблички.

Девушка шла по дамбе. Обезлюдевшие к середине осени пляжи жались к холодеющей воде. Песок силился сохранить последние отпечатки ног. Разграбленными крепостями чернели мангалы из закопченных кирпичей и шлакоблоков. Неожиданно девушка услышала дрожащий прерывистый звон и обернулась. По дамбе к ней рысью бежал большой рыжий пес с волочащимся по земле обрывком массивной цепи. Девушка огляделась, ища толстую прочную палку. Звон цепи усилился. Палки по близости не оказалось, и девушка подобрала с земли увесистый молочно-белый камень. Пес остановился на расстоянии полутора метров. Девушка приподняла руку с зажатым в ладони камнем. Пес вывалил длинный влажный язык и завилял хвостом. Девушка опустила камень и подошла к псу. Он поднял на неё серые глаза. Девушка осторожно протянула к морде пса раскрытую ладонь. Пес ткнулся в неё носом, жадно поглощая новый запах. Ненужный камень полетел в траву.

– Откуда ты здесь? – девушка запустила руки в пышную рыжую шерсть. – Чистый упитанный и рук не боишься. Тебя же ищут наверняка, оболтус.

Пес от удовольствия переступал лапами и молотил хвостом воздух. Обрывок цепи время от времени тихо звякал. Девушка напоследок почесала пса за ухом и намотала обрывок цепи на кулак: «Что ж пошли искать твоего человека».

Они медленно шли по дамбе – слева опустелые пляжи, справа заросший ивой и тополями берег Томи. Время от времени по бедру девушки чиркал мохнатый бок. По песку у самой воды бегала какая-то длинноногая птичка. Ветер с реки донёс крик чайки. Рыжая тополиная стена утратила монолитность. В ней появились чёрные обугленные бреши расколотых стволов. Девушка посмотрела в безоблачное небо и с лёгким холодком между лопаток представила грозу в этих местах.

Порыв ветра бросил на дамбу ворох тополиных листьев. Девушка на мгновение зажмурилась. Пес недовольно фыркнул и стряхнул с носа прилипший лист. На другом берегу узкого карьера показались красные крыши бревенчатых домов за кирпичным забором.

– Может, ты оттуда? – девушка посмотрела на пса. Он натянул цепь, увлекая её вперёд. Девушка пожала плечами и прибавила шаг. Дома за кирпичным забором затерялись в переплетении ветвей.

Минут через десять они вышли к концу карьера. Пляжи закончились. Метрах в пяти от полукруглого берега девушка увидела обшарпанный бетонный параллелепипед размером с теплотрассу. Наверху в центре виднелся чёрный квадратный провал с остатками петель у края. Непонятная конструкция возвышалась над землёй метра на два. У одной из стен неопрятной грудой валялись бетонные сваи. Девушка бросила на землю цепь: «Подожди здесь» и спустилась к бетонному блоку. Пес наблюдал за ней умными глазами. По куче балок девушка забралась наверх. Под ногами зашуршало острое крошево. Она посмотрела на дамбу. Пес сидел, лениво перекидывая хвост из стороны в сторону. Девушка подошла к люку и осторожно заглянула в него. Внизу, в темноте, блестела безмятежная гладь воды.

– Не свались! – раздалось совсем рядом.

Девушка дернулась от неожиданности и инстинктивно попятилась. Раздался знакомый смех. Она резко повернулась. У края бетонной площадки стоял, улыбаясь, парень лет двадцати, тот самый, что был у моста. Девушка бросила взгляд на дамбу. Рыжий пес исчез.

– Я хочу извиниться, – парень сделал несколько шагов к девушке. Она отступила назад.

– Откуда ты взялся? – девушка шагнула к груде бетонных балок, не выпуская парня из зоны видимости.

– Просто пришёл, – парень небрежно пожал плечами, – Прости, я обидел тебя. Я не хотел. Правда.

Девушка ещё на один шаг приблизилась к балкам.

– Стой! Не уходи! Я сделал что-то не то? Что мне сделать, чтобы ты осталась?

Девушка шагнула назад и ощутила под подошвами крошащуюся кромку.

– Хочешь, я ради тебя вниз прыгну?

Она не смогла, не то что ответить, но хотя бы помотать головой. Парень видимо воспринял это как согласие. Он сжал челюсти, решительно подошел к люку и шагнул в тёмный провал. Ни плеска, ни крика. Она не сразу осознала, что произошло. Когда же до неё дошло, она бросилась к люку и, упав на колени, заглянула внутрь. Вода оставалась плоской и безмятежной. Девушка прислушалась. Тишина. Ни стоны, ни плеска.

– Эй! Ты жив? – её голос эхом заметался в бетонном мешке. Ни звука в ответ.

– Если это шутка, то очень плохая. Хватит! Вылезай!

Тишина и безмятежная гладь воды.

Девушка поднялась и стряхнула с ладоней бетонное крошево. Она не знала, что ей делать дальше. Звать на помощь? Звонить спасателям? А если этот придурок сейчас сидит, хихикая,

в одном из тёмных углов? А если лежит на дне со сломанной шеей? Девушка тут же поправила себя – сломать шею он не мог, так как прыгал ногами вперёд. Она ещё раз заглянула в люк, надеясь, что парень чем-нибудь выдаст своё присутствие. Темнота, вода, тишина – всё по-прежнему.

Девушка отказалась от мысли звонить спасателям. Она боялась, что всё окажется глупым розыгрышем и её поднимут на смех. Она боялась, что на дне бетонного мешка найдут его труп и её обвинят в убийстве. Но больше всего она боялась, что там никого не найдут.

Девушка вернулась на дамбу. Ветер шелестел в кронах и шевелил поникшую траву. Она шла дальше. Тополя обступили дамбу с двух сторон. Кустарник в рост человека по склонам добрался до гребня и превратил грунтовую дорогу в узкую тропинку. Ветки с остатками листьев успокаивающе гладили девушку по груди, животу, плечам. Она закрыла глаза. Мир сжался до ласковых утешающих прикосновений и тихого шелеста. Мысли девушки успокаивались. Произошедшее начинало казаться игрой воображения.

Под ноги попался камень. Девушка, взмахнув руками, удержала равновесие и открыла глаза. Слева на некотором отдалении от дамбы стояли пятиэтажные панельные дома. Над ними высилась ржавая водонапорная башня. Девушка спустилась в поселок, вошедший в границы города чуть более десяти лет назад. От невысоких заросших берёзами улиц и дворов растекалась уютная домашность. В некошеной траве газонов прятались кошки. На невысоких разноцветных лавочках о чём-то беседовали старушки. Девушка прошла мимо дома с торцом, построенным из плит бетонного забора. Местный, знакомый каждому жителю посёлка, алкоголик пытался продать прохожим пойманную в Томи рыбу. В зелёных дворах на сваренных из старых труб площадках играли дети. Откуда-то доносился гитарный перебор.

Девушка прошла посёлок насквозь, свернула у пожарной части к реке и вновь поднялась на дамбу. Впереди, у подножья крутого лесистого холма, виднелась железная дорога. Река в этом месте изгибалась под прямым углом и дальше текла вдоль железнодорожной насыпи.

Девушка вышла к железной дороге. Две пары рельс. Маленький мост через шумную речку. Запах стали и масла. Она посмотрела в обе стороны, прислушалась. Тихо, только журчание воды. Она шагнула на шпалы. Когда-то она ходила по шпалам легко и быстро. Теперь приходилось либо семенить, либо постоянно скакать вверх-вниз, рискуя запнуться. Железная дорога вышла на узкий прижим – слева почти отвесный склон холма, справа вплотную русло реки. За рекой, над бежевым полем, возвышалась огромная полосатая труба ТЭЦ. Девушка вспомнила, как мама брала её на работу: вкусные запахи, горячие булочки, добрые женщины в белых халатах и шапочках.

Испуганным псом прорезал воздух предупредительный сигнал. Девушка прибавила шагу. Десять метров, и прижим кончится. Десять метров, и можно отступить в сторону. Ноги цеплялись за шпалы. Она услышала быстро нарастающий грохот и перешла на бег. Навстречу из-за поворота обманчиво медленно выехал поезд. Глубинный животный ужас сковал мышцы. Несколько ударов сердца она смотрела на приближающийся локомотив. Вой гудка стряхнул оцепенение с тела девушки. Она зажмурилась и прыгнула в реку. За спиной кто-то толи выдохнул, толи ругнулся.

Она приземлилась где-то на середине насыпи, ободрав ладони. Наверху грохотал поезд. Она скользила вниз на коленях, увлекая за собой ручейки щебня. Камешки с бульканьем падали в воду. Девушка вдавила в насыпь носки кед, уперлась изо всех сил ладонями, не замечая боли. Скорость снизилась, однако остановиться окончательно, не удалось. Девушку мягко, почти изящно приняла в себя река.

Наверху затихало грохотание поезда. Она сидела, поджав ноги, в воде по пояс. Колени с ладонями жутко саднили. Джинсы придётся переделывать в шорты. Девушка вспомнила о намокшем телефоне и поспешно вытащила его из кармана. Деньгам ничего не грозило. Задний карман оттягивала солидная горсть мелочи. Девушка выключила телефон и огляделась, ища

путь к пологому берегу. Только сейчас она заметила рыбака в прорезиненном комбинезоне стоящего с удочкой метрах в пяти выше по течению реки.

– Цела? – рыбак, прищурясь, смотрел на девушку.

– Ага... – она потрясенно моргнула.

– Знаешь, можно было отойти на другой путь.

– Как-то не сообразила, – девушка неловко встала. Рыбак подошел ближе и протянул сильную руку: «Пошли к берегу». Девушка ухватилась за предплечье. Рыбак, не торопясь, повёл её к окружённой тополями поляне между насыпью и рекой. Ноги девушки скользили по крупным камням, устилающим дно. Каждый раз, когда ступня проваливалась в холодную неизвестность, девушка стискивала пальцы. Вода поднялась до середины бедра, затем начала плавно сползать. Четверть бедра, колено, голень, щиколотка...

Через несколько минут она сидела на зеленовато-желтой траве, вытянув босые ноги. Рядом горел небольшой костер. Время от времени по телу девушки проходила крупная дрожь. Рыбак подкинул в костер пару веток: «Сейчас главное обсохнуть». Джинсы исходили полупрозрачным паром.

Рыбак достал термос, налил в крышку горячий сладкий чай и сунул её в ладони девушке. Она осторожно, чтобы не обжечься, отхлебнула красновато-коричневый напиток. Рыбак расспрашивал её о месте жительства, семье, работе, друзьях. Она отвечала по возможности честно, ощущая, как расплзается по телу ласковое тепло.

По прошествии часа джинсы высохли полностью, а в кедах перестала хлюпать вода. Костёр затушили. Рыбак вернулся на прежнее место у насыпи. Девушка вышла на грунтовую дорогу, которая вывела её на единственную улицу небольшого дачного поселка. Покинутые, запертые на зиму дома удивлённо-настороженно следили за неожиданной гостьей. От чёрных в жёлтом обрамлении огородов веяло одиночеством. Девушка замедлила шаг. Ей хотелось побыть в этом поселке ещё немного, дать этим оставленным дворам ещё одну капельку жизни перед долгим зимним сном.

Однако как ни растягивай дорогу, она всё равно закончится. Посёлок остался позади, девушка поднялась на станцию. Согласно расписанию до ближайшей электрички оставалось около сорока минут. Девушка села на длинную лавочку. По ту сторону железнодорожных путей на пологом склоне холма за роняющими листья тополями виднелся частный сектор. Девушка разглядывала участки, пытаясь угадать характер и привычки их владельцев. Вот двухэтажный коттедж, кажется с гаражом, вместо огорода аккуратный, ещё зеленый, газон и несколько клумб. Рядом небольшой деревянный дом, выкрашенный голубой краской, почти весь участок занимает чёрный прямоугольник распаханной земли. Там совсем крохотный домишко, не больше строительной бытовки, а вокруг настоящий сад, яблоневый или вишнёвый, а может и грушевый.

Электричка пришла в назначенное время. Открылись выкрашенные серо-зелёной эмалью двери. В вагоне – два человека, она села на свободную лавку к окну. Пейзаж за стеклом дрогнул и поплыл назад. Река, поселок, дикие поля, мост, промзона. Она смотрела в окно и заставляла себя не думать о событиях этого дня. Она обязательно их осмыслит, но не сейчас, может быть, завтра или дня через три. Больше всего ей хотелось укутаться в одеяло и смотреть фильмы, один за другим, всю ночь, чтобы мозг отключился под утро.

За окном возникли многоэтажки. Электричка приближалась к вокзалу. Оба пассажира зашевелились, взяли багаж и вышли в тамбур. Девушка сквозь стекло в раздвижных дверях увидела, как один из них сунул в рот сигарету, но видимо вспомнив, что курение на перроне запрещено, убрал её за ухо. Поезд остановился.

Вечером она сидела на кухне с большой обжигающей ладони кружкой и смотрела на идеально круглое оранжевое солнце за тонкими трубами завода. Дым прозрачной вуалью закры-

вал часть солнечного диска. Солнце с неуловимой стремительностью опускалось к горизонту. Девушка закрыла глаза. Под веками заплясал ослепительно белый круг. Край солнца коснулся земли.

3 глава

С низкого светло-серого неба падал колючий мелкий снег. Первый в этом году. Ей всегда представлялось, что каждая снежинка – это маленький всадник с копьем, воин зимы. Он на полном скаку врезался в землю и погибал от её тёплого дыхания. Но копьё всегда успевало ужалить, занести каплю леденящего яда. Первый снег. Миллиарды крошечных воинов погребавших под собой противника.

Снег таял не в силах удержаться на пока ещё живой земле, пропитывал всё холодной влагой. Она рассыпалась бисером на оконных стёклах, просачивалась в трещины асфальта, превращала почву в вязко-скользкую жижу и сквозь поры кожи добиралась до сердца. Город выцвел. Обнаженные, ободранные листопадом, улицы зябло ёжились под сырым ветром. Опустелые парки звали горожан, покачивая тёмными костлявыми ветвями. Дым заводов прилепился к непроницаемому облачному одеялу.

Люди старались показываться на серых мокрых улицах как можно реже, прячась за стенами квартир, магазинов, школ и прочих лучащихся желтым теплом помещений. Люди кутались в свитера, шарфы и шали, пили, обжигая язык и губы, чай, какао и кофе и избегали смотреть в окно. Разговоры не клеились. Сошли на нет еще недавно бурлившие сплетни. Жизнь в городе замерла.

Она сидела на паре и раскрашивала ядовито-яркими ручками контурную карту. Голос лектора звучал монотонно и отстраненно. Казалось, он не видел сидящих за партами непривычно тихих студентов. Девушка закрыла колпачком кислотно-зеленую гелевую ручку и посмотрела на сидящего слева одноклассника. Он абсолютно бесшумно отбивал пальцами на грязно-голубой столешнице сложный ритм. Девушка вернулась к заполнению карты. Одноклассник, сбившись с ритма, размял ладони, бросил взгляд на её работу и демонстративно прикрыл глаза рукой. Она довольно усмехнулась. Минутная стрелка настенных часов переползла на следующее деление.

Через месяц снег окреп, и в город вошла зима. Снег стер, уничтожил, все оттенки серого. На его белом фоне все цвета становились насыщенной, ярче, сочнее. На улицах появились санки с толстенькими от количества одежек малышами. Дети постарше катали из пока ещё влажного липкого снега разноразмерные шары и тайком от родителей проверяли на прочность лёд речушек, болот и карьеров. Лед потрескивал, но держал.

Снег сгладил все острые углы, прикрыл все недостатки. Тёмными вечерами горожане неспешно гуляли, наслаждаясь лёгким морозцем. Парочки держались за руки. Компании друзей расплескивали громкий смех. Снег слой за слоем укутывал город.

С десятых чисел декабря на основных площадях города появились большие короба из необработанных досок и металлические остовы новогодних елок. К двадцатым числам короба превратились в зверей, башни крепостей и сказочных персонажей, а каркасы обросли лапами пихты. Где-то неподалеку неизменно высилась белая громада главной горки.

Открылись елочные базары, распространявшие острый запах смолы. Обрезанные или отломанные колючие ветки вминались в снег толстыми подошвами. Продавцы громко расхваливали торчащие из сугробов деревца, зазывали прохожих. Кое-кто из проходящих мимо останавливался и спрашивал цену, а иногда и забирал с собой одну из ёлок.

После заката город погружался в мигающее разноцветье. Гирлянды были везде: на площадях и вдоль дорог, за стёклами квартир и магазинов, на обнажённых кронах деревьев. Весь город мигал и переливался.

Она видела все признаки приближающегося Нового года, но совсем не ощущала его. Вся предновогодняя суета не только не вызвала у неё никаких положительных эмоций, но даже слегка раздражала. Она смотрела на очереди в магазинах и потоки людей на улицах и думала:

«Откуда вы все? Где вы прятались целый год?». Одногоруппники между предсессионными зачётами активно обсуждали где и с кем будут праздновать Новый год, как проведут десять выходных дней, спрашивали и её. Она делала вид, что не слышит.

Тридцать первого декабря она поставила к окну елку из световолокна, наряжать не стала. Дома в изобилии были и игрушки, около десятка из них старые из тонкого стекла и хрупкой глазури, и гирлянды, и разноцветная пушистая мишура. Но праздничное настроение так и не пришло, а елка и в одиночку неплохо светилась.

Время до вечера она потратила на скачивание с торрентов видеозаписей концертов и приготовление праздничного ужина. Гостей не предусматривалось, но это не отменяло повода хорошо провести время.

Быстро стемнело. Солнце миновало нижнюю точку ежегодного пути не более недели назад. Она посмотрела в окно. Трубы заводов светились красными лампочками. Они светились всегда, каждую из трехсот шестидесяти пяти ночей, но в этот вечер они по закону жанра обязаны были светить празднично. Где-то изредка гроыхали фейерверки, пробуя силы перед полуночной канонадой. Она отошла от окна.

В одиннадцать она собрала из табуретки и большой доски импровизированный столик и установила его между диваном и елкой. Вторую табуретку занял ноутбук. Девушка принесла из кухни еду, подключила колонки, вывернув громкость на максимум, и нажала на плей. Комнату наполнили гитарные риффы. Девушка ухватила с тарелки бутерброд и откинулась на спинку дивана.

Полночь взорвал многоголосый грохот. Девушка поставила видео на паузу и подошла к окну. Стекло едва заметно подрагивало. За заводами взмывали над горизонтом разноцветные шары из светящихся точек – салют на главной площади. Правее взлетали и растворялись шары поменьше – салют над Крепостью. Сверкал огнями разнообразных фейерверков весь частный сектор. Снег озаряли яркие вспышки. Неожиданно в ней поднялось желание одеться, выскочить на улицу, но тут же погасло.

Она вернулась на диван и нажала на кнопку. Электрогитары, барабаны, голос, музыка, шоу. Она подпевала во весь голос. Эта ночь принадлежала ей. Несколько раз в дверь стучались соседи. Она показывала двери фак и пела ещё громче.

В третьем часу ночи сквозь музыку пробился стук в оконное стекло. Ощущая, как холодеет между лопаток, девушка посмотрела в окно. На жестяном, присыпанном снегом карнизе у маленькой створки темнел чёрный комок. Девушка осторожно подошла ближе. Комок пошевелился, вновь раздался стук. Девушка открыла окно и узнала в комке взъерошенную ворону. В комнату ледяной волной вполз холод. Птица смотрела на неё серыми бисеринами глаз, переступая с лапы на лапу. Девушка протянула руку. Ворона отошла в сторону, но не улетела. Девушка отщипнула от бутерброда кусочек копченого мяса и предложила вороне. Ворона бочком подошла к ладони и, вытянув шею, самым кончиком клюва взяла угощение.

– Ну, давай, скажи – невермор.

Ворона смотрела на неё серым блестящим глазом и молчала.

– Может, у тебя есть письмо для меня? Пропуск в иную жизнь?

Ворона молчала. Её лапки утрамбовывали снег на карнизе. Девушка зябко поёжилась. Совсем рядом, во дворе, загрохотал фейерверк. Ворона каркнула и взлетела. В смещении взрывов, музыки и хлопанья крыльев послышалось тихое, шепотом: «С Новым годом». Она закрыла окно.

С неба большими хлопьями падал снег, скрывая последствия ночного праздника. Город обновил белила на щеках. Улицы вновь были чисты и невинны. Город улыбался нарисованной улыбкой. Всё пряталось – город под снегом, люди в пуховиках и шубах, эмоции за стенами квартир. Белые стерильные улицы, бледно-желтое солнце, милые горожане. Город-сказка, город-сон.

Ночь зимой всегда приходила стремительно, незаметно расплзаясь из растущих теней. Пятнадцать синих минут – солнце уже село, а фонари ещё не зажглись, – позволяли горожанам остановиться и задуматься. На пятнадцать минут в сутки они превращались в жителей волшебного Сапфирового города. Минуты истекали, зажигались желтые и оранжевые огни, небо становилось чёрным. Город вновь был просто городом.

С каждым часом температура воздуха соскальзывала вниз. Люди прятались по домам. Город медленно выпускал когти. За железнодорожным депо двое неизвестных одиночным выстрелом снесли таксисту затылок. Ни в одном из частных домов не зажегся свет. Труп – в сугроб, машину – на запчасти. На ярко освещенной улице кто-то через равные промежутки сплевывал кровь. В тёмном заброшенном сквере проваливался в забытие местный пьянчужка. Машину, набитую хохочущими подростками, занесло на укатанном до кристальной твердости снегу. Улицу разбудил грохот удара и скрежет сминаемого металла. Снег жадно впитал яркую кровь.

Под утро с темного неба падали большие белые хлопья, скрывая следы ночи. Алые пятна розовели, бледнели и исчезали. Город обновлял улыбку.

Она любила гулять после заката, особенно зимой, особенно по центральным улицам. Оставшиеся после Нового года гирлянды гармонично дополняли красочные вывески и круглогодичную подсветку. Родители вели детей на аттракционы в торговых центрах. Кто-то спешил на вечерний киносеанс, кто-то отряхивал снег на пороге кафе. Все улыбались, любовались миганием светодиодных огоньков, кое-где даже пели. Она видела горожан такими расслабленными и беззаботными только зимними посленовогодними вечерами.

Она зашла в кофейню и села у окна. Ей нравилось наблюдать за проходящими мимо людьми. Официантка принесла меню. Девушка выбрала яблочную шарлотку и содовую с шоколадным сиропом.

– Только лимон не добавляйте. Он там лишний.

Официантка сделала пометку в блокноте.

Через десять минут принесли заказ. Девушка заметила удивленный, почти осуждающий, взгляд парня за соседним столиком – шоколадная газировка, со льдом, в январе. Она улыбнулась и потянула крамольный напиток через белую в тонкую полоску трубочку. Парень отвел взгляд. Она отломил вилкой кусочек шарлотки, чувствуя, как по телу медленно растекается теплое счастье.

Когда она покинула кофейню, люди тянулись к остановкам и уходили через арки во двory. Реже слышались разговоры, реже на лицах встречались улыбки. Горожане спешили укрыться за стенами квартир, сами того не осознавая. Вечер заканчивался, в город входила ночь.

Сессионные экзамены пришлось на самые крепкие морозы. Ночью температура опускалась до минус сорока, днём – держалась на минус тридцати пяти. Город застыл. Школьники радовались продлению новогодних каникул. Вездесущие маршрутные пазики прятались в тёплых гаражах. Исчезла с улиц и треть автомобилей. В морозной дымке накрывшей город господствовали старые длинные автобусы с гармошкой в середине и тяжелые танкообразные трамваи, чаще всего красного цвета.

Она стояла на автобусной остановке, смотря на мир через щель между шапкой и флисовой маской. Люди вокруг переминались с ноги на ногу и прикрывали покрасневшие лица перчатками и варежками. Автобус задерживался. Большинство ожидающих уходило к трамвайной остановке. Трамваи ездили медленно, но часто. Девушка не любила трамваи за тряску и грохот, хотя сидения с подогревом в такую погоду выглядели очень заманчиво. Она стерла с ресниц липкий иней.

На экзамен она попала через полчаса после его начала. Половина группы уже получила заветные буквы в зачетку, однако уходить не спешила. Все надеялись, что к полудню станет теплее. Сквозь заиндевевшие стекла пробивался рассеянный солнечный свет.

Она вошла в кабинет последней, взяла билет, села. За первой партой увлеченно спорили отвечающий и преподаватель.

– Это холодный фронт, – студент начертил что-то на тетрадном листе в клеточку, – а это теплый. При их слиянии получается так.

Студент закончил рисунок и подвинул листок к преподавателю.

– Ерунду говоришь. – Преподаватель перевернул листок. – Смотри как правильно.

Через пару минут преподаватель вернул листок студенту: «Вот».

– Так я это и начертил. – Студент перевернул лист и ткнул ручкой в схемы. – Вот, вот и вот.

Преподаватель внимательно изучил обе стороны листка и отложил его в сторону: «Твоя правда. Давай следующий вопрос».

С тихим шорохом ползали по бумаге шариковые ручки.

Она отвечала последней. Ей нравилось, отсутствие свидетелей. В случае провала – никто не увидит позора. Да и в общении с преподавателем с глазу на глаз было что-то уютное, теплое. Билет попался легкий. Забирая зачетку, она бросила взгляд на термометр за окном. В коридоре её ждали, вся группа уставшая и хмурая.

– Тридцать шесть, – теперь она знала, что ощущают гонцы дурных вестей.

Группа единодушно выдохнула стон разочарования и двинулась к гардеробу. Девушки, выбравшие между красотой и теплом – тепло, шуршали при ходьбе лыжными и сноубордовскими штанами.

Январь сменился февралем. На смену морозам пришли метели. Ветер сдирает снег с крыш, деревьев и вершин сопок, перемалывал в мелкую колючую муку и засыпал ею город. У подветренных стен домов росли сугробы, чтобы в следующую ночь, когда ветер сменит направление, рассыпаться ледяной крупой. За ночь ветер зализывал узкие тропинки до безукоризненной гладкости, возвращая снежной глади девственную нетронутость. Самые ранние прохожие на ощупь, методом проб и ошибок, то отыскивая подошвой утоптанную твёрдость, то проваливаясь в снег по колено, каждое утро прокладывали их заново. Ветер ломился в окна, свистел в проводах и кружился позёмкой.

Она сидела на подоконнике с плиткой шоколада. За тёмным окном бился о бетон жестяной карниз и бесновалась метель: белая мистерия в чёрной тьме. Фонарей нет – ветер оборвал обледеневшие провода. Тьма по обе стороны стекла. Сквозь клубящуюся плотную вуаль иногда пробивались далекие огоньки, казавшиеся в этой чёрно-белой тьме крупными звездами.

Она смотрела в окно, размышляя остался ли за ним мир. Существуют ли в этой метели торговые центры, болота, заводы, река, другие дома? Остались ли в этой вселенной другие люди? Ответом был лишь шорох снега о стекло.

Она положила в рот дольку шоколада и оставила её таять на языке. Снег за окном на секунду принял форму человеческого лица. Девушка поёжилась, но продолжила смотреть в метель. Призрачное, сотканное из снежной крупы лицо вновь возникло из белого хаоса и через мгновение рассыпалось, чтобы возникнуть в другом месте. Девушка хотела зажмуриться, но не смогла. Переплетающиеся в потоках ветра снежные полосы заворачивали, не давали отвести взгляд. Лицо возникало и исчезало, ближе и дальше, губы его шевелились. В грохоте жести о бетон на грани восприятия слышалось: «Будь моей». Снова и снова. Снег, лицо, слова. Она смотрела в окно, чувствуя, как по телу расползается ледяной страх. Со странной отстраненностью она подумала: «Вот мы и встретились, шиза». Осознание собственного безумия пугало ее гораздо сильнее происходящего за оконным стеклом. Однако когда из снежного марева к

девушке потянулась жадная рука, она не выдержала. Оцепенение осыпалось тысячей невидимых иголок. Она спрыгнула с подоконника во мрак кухни и быстро, едва не срываясь на бег, через два порога и коридор дошла до кровати, упала на матрас, закуталась с головой в одеяло. За окном бесновалась метель.

Во второй половине февраля, когда снег ещё и не думал таять, воздух сменил запах. Пахло талой водой и влажной почвой. Ветер стих. Небо очистилось, налилось густым голубым цветом и приобрело ту восхитительную высоту, что бывает только в самом конце зимы, когда глаз, столь долго натывавшийся на серовато-белый облачный потолок, вдруг проваливается в голубую, отливающую лиловым, бесконечность. Солнце из бледно-жёлтой монеты превратилось в золотистый источающий тепло круг. В город, не торопясь, входила весна.

4 глава

К первым числам марта снег потяжелел и начал таять. Город медленно, слой за слоем смывал с лица грим. Горожане, млея от тепла, сменили шубы и пуховики на пальто и куртки. Санки всё чаще скрежетали по асфальту. Дети лепили последних в этом сезоне снеговиков.

Общее настроение города было столь же непредсказуемо, как и мартовская погода. Мороз, дождь, метель, не по-весеннему жаркое солнце и крупные хлопья снега хаотично сменяли друг друга, иногда в течение суток. В городе царила общая легкая нервозность. Ссоры вспыхивали и тут же гасли. Чуть более громкие голоса, чуть более резкие жесты.

Март длился, снег таял. Он потемнел, а местами и почернел, демонстрируя заводскую копоть и угольную пыль впитанные из воздуха снегопадами. Солнце, как археолог, слой за слоем открывало всё, что скрывал снег. Первыми вытаяли собачьи экскременты и мусор. Чуть позже солнечный свет увидели жертвы зимы. Патологоанатомы между собой называли их подснежниками.

В середине марта в городе вновь запахло Новым годом. Из-под снега показались картонные остатки петард и фейерверков, конфетти, остовы бенгальских огней и залежи еловой хвои.

Город сдирал с себя маску, ужасаясь всему, что успел натворить за три месяца зимы. Апрель он встретил растрепанным, грязным и обнаженным. Почки на упругих ветвях уже набухли, но ещё не успели раскрыться. Талая вода уходила в жадную, иссохшую от холода, почву. Там, где путь преграждал асфальт, она растекалась огромными лужами. В воздухе стоял едва уловимый остро-сладкий запах: на окружающих город холмах и сопках горела трава.

Девушка шла по залитой солнцем улице, перепрыгивая через лужи и, если они были мелкими, переходя вброд. Она всем телом впитывала солнечное тепло и растворялась в окружающем мире. Правая ладонь сжимала дикую фиалку. Девушка думала об однокласснике – высоким, интересном и весьма необычным. Она пыталась понять влюблённость это или влечение, а может, просто самовнушение навеянное весной. Все жуткие зимние воспоминания растаяли вместе со снегом. Девушка понюхала фиалку.

Чьи-то руки схватили её и дёрнули назад. Девушка попыталась вырваться, руки держали крепко.

– Совсем ослепла?

Через пару мгновений девушка осознала, что обращаются к ней. Она моргнула и, повернув голову, посмотрела на державшего. Он оказался мужчиной, подвозившим её домой в сентябре. Только сейчас она заметила цвет его глаз: тускло-дымчатый. Руки разжались. Она продолжала смотреть на мужчину, не понимая, что произошло. Мужчина указал на светофор – красный человечек замер в ожидании. Мимо проехала машина. Девушка смущенно опустила глаза: «Извините, я замечталась».

– О парнях поди? Ох, молодо-зелено! – мужчина стряхнул с её одежды невидимые пылинки. Светофор сменил цвет и запищал. Девушка шагнула на проезжую часть и обернулась. Мужчина шел в другую сторону.

Когда грязь подсохла, а от снега остались лишь серые клочья, горожане вышли на субботник. Накопившийся за зиму мусор равномерно покрывал желтые газоны. Казалось, горожане искренне верили, что снег никогда не растает. Но он растаял, и теперь каждый от школьника до мэра собирал в большие чёрные мешки окурки, бутылки, все виды упаковки, а иногда и весьма личные вещи.

Студенты работали весело и охотно, субботник освободил их от лекции. Мусора у факультетского корпуса оказалось немного: у курилки и вдоль тротуара. Уборка заняла не более часа. Оставшиеся до следующего занятия полчаса каждый коротал, как мог. Одни засели в столовой, другие – в библиотеке. Кто-то учил номенклатуру у карт в коридоре. Девушка

сидела на синем жестком диване, наблюдая, как одnogруппницы ставят метки на карту Южной Америки. Маленькие буквы чёрной гелевой пастой. Через десять минут девушки поставили последнюю метку и, радостно переговариваясь, ушли в другое крыло. Она проводила их взглядом. Из кабинета картографии вышла молодая преподавательница, внимательно изучила все карты и мыльной губкой стёрла с них метки.

Девушка закрыла глаза, представляя одnogруппника, его прикосновения, дыхание, голос. Однако вместо желанного образа на обратной стороне век почему-то все время возникал мужчина с тусклыми дымчато-серыми глазами. Обиженно-разочарованный возглас однокурницы, увидевшей чистые карты, вырвал её из грез. До звонка оставалось две минуты.

После пар она прогулялась до реки. По Томи шел последний лед с верховий. Девушка сидела на примостовой дамбе и смотрела на белые льдины в тёмных волнах. Вода в реке поднялась, но девушка знала, что половодье наступит только через неделю. Семь дней, и река, вздыбив шерсть, вырвется из берегов.

Из года в год река пыталась смести город. Город взобрался на террасы и оброс дамбами. Город помнил воду стоящую столь высоко, что под мостами едва протискивалась лодка.

В памяти девушки всплыли обрывки лекции: «Начало мая. Две недели дождей. Забитая, нечищенная ливневая канализация. Растаявший от дождей снег в горах. Ночь. Спящий город. Вода, затапливающая пойму, первую террасу, вторую. Сонные люди на крышах домов. Лодки спасателей». Она представила, как прямо сейчас река вспухает, растёт, перехлёстывает через дамбы, врывается на первые этажи...

– «Жутко!» – девушка поёжилась.

С моста, незамеченным, наблюдал за ней уже знакомый парень лет двадцати.

Май. Деревья окутала зеленая дымка, густеющая день ото дня. Острые побеги травы пробивали желтую лежалость газонов и чёрный пепел холмов и сопок. Город прикрывал наготу. Город мечтательно улыбался. Включили фонтаны. На улицах появились велосипедисты. В парке Гагарина заработали аттракционы. Город ожил. Всё прятавшееся зимой вышло наружу: пыль, люди, эмоции.

Город пульсировал. Из полузаброшенного парка раздавался стук текстолитовых мечей. Две женщины, смеясь, уворачивались от струй поющего фонтана. В заросшем березами дворе два парня в честной драке выясняли с кем будет гулять девчонка. Школьники выпрыгивали из окон классов первых этажей. Мужчина играл на уличном пианино, сидящим вокруг собакам. Семейная пара громко ссорилась на автобусной остановке, уже и, забыв с чего всё началось. Девушка розовой краской писала на асфальте: «С днем рождения, Зай!» и рисовала сердечки. Подросток старательно выводил на бежевой штукатурке стены: «Жизнь – дерьмо!». По Томи, обгоняя друг друга, скользили катамараны. Город всей грудью вдыхал тёплый влажный воздух. По венам и артериям улиц растекались золотистые крупинки солнца и тонкая пыль далёких степей.

Ночной город ожил чуть позже. Сначала на болотах закрикали вернувшиеся утки и подали голос проснувшиеся лягушки. Потом в холодную ночь выбрались истосковавшиеся по дорогам мотоциклы и разношерстные автомобили. Их владельцы собирались в шумные междусобойчики на парковках торговых центров, у площадей и вокруг круглосуточных пунктов фастфуда. Когда ночи потеплели, на тёмные улицы, игнорируя комендантский час, вышли подростки. Они катали друг друга в украденных тележках из супермаркета, пили из горла дешевое пиво и жгли в парках костры. Они прятались от патрулей и возвращались домой только под утро.

В ночь майского полнолуния на улицах появились влюбленные или просто романтично настроенные пары. Каждая третья девушка, смотря на пятнистую светло-желтую луну, воображала себя Маргаритой. И каждая первая верила, что в этот раз всё будет по-другому: отно-

шения не рассыплется как карточный домик через год, два, пять, десять. В тёплую лунную ночь не могло быть иначе.

Двадцать пятого мая по городу прокатились последние звонки. Улицы заполнили радостные парни и девушки в старой школьной форме, считающие себя по-настоящему взрослыми. Они тайком пили шампанское, пели, сидели задумчиво-печально на ставших вдруг тесными качелях, говорили о будущем. Взрослые, проходя мимо, отводили взгляд.

После в городе безраздельно царствовало лето. В воздухе плавали первые тополиные пушинки. Студенты и школьники готовились к экзаменам, а работающие, те, кому повезло, к отпускам. Дети вечерами пропадали во дворах, на пустырях и стройках. Очнулись дачные поселки. Заполнились лавочки. В разных уголках города слышались разговоры и песни, ссоры и громкий шепот на ухо, обсуждения, споры, признания, ложь и правда, стоны страсти и боли, смех, всхлипы, бормотание. И над всем этим высоко в небе парил коршун. Он смотрел вниз дымчато-серыми глазами, и ничто не могло ускользнуть от его взора.

5 глава

Девушка перешла через железный мостик над узким ущельем. Внизу шумел небольшой водопад. Она любила эти места. Первый раз её привела сюда мама. Мама выросла среди этих камней, травы, тополей. Тогда мост был ещё деревянным, с огромными щелями. Мама однажды уронила в одну из них босоножку.

Именно здесь девушка впервые осознала, что мама однажды умрёт. Мама успокоила её и рассказала, что ничего страшного в смерти нет. А она всё пыталась представить, как это, когда мамы нет. Вот мама здесь: улыбается, собирает опавшие листья, зовёт посмотреть на птичку, и вот её нет. Совсем. Нигде. Наверно, именно из-за этого она так хорошо запомнила тот день.

Девушка жмурилась на солнце и смотрела на облака. По стальным листам моста гулко зазвучали шаги. Она обернулась. К ней приближался знакомый мужчина с тусклыми дымчато-серыми глазами.

– «Он за мной следит», – мелькнуло в голове девушки. Она остановилась, решив пропустить его вперёд, а потом уйти в другую сторону. Мужчина подошёл и заулыбался.

– Любишь гулять в этих местах? – его улыбка была настолько дружелюбной, что выглядела фальшивой.

– Да, – девушка окинула взглядом холмистые берега ручья, бетонную дорогу в окружении тополей, поляну над водопадом – никого.

– Ты слышала о Волшебной аллее? – мужчина достал из заднего кармана джинс пачку сигарет и закурил.

– Нет. – В голосе девушки звучала сухая вежливость. По зелёным кронам тополей пробежал ветер.

– Я могу её тебе показать, – мужчина смотрел на девушку, чуть прищурясь. Он больше не улыбался.

Она прислушалась к своим ощущениям. Мужчина не пугал; раздражал, но не вызывал желания оказаться как можно дальше. Скорее всего, он из тех, кто любит покувыркаться без обязательств с молоденькими девочками. Такие мужчины регулярно появлялись на её пути.

Мужчина докурил сигарету и бросил тлеющий бычок в траву. Над зеленой гущей поднялась тонкая струйка дыма и растаяла в воздухе. Мужчина выжидающе смотрел на девушку. Она вспомнила красный свет на переходе и осеннюю ночь.

– Я не буду с Вами спать. Никогда и ни при каких обстоятельствах. – Девушка посмотрела в глаза собеседнику.

– Разве я предлагал? – мужчина чуть повернул голову, прервав зрительный контакт.

– Но могли.

– Не мог, – мужчина достал пачку сигарет, но передумал и спрятал обратно.

Из тополиной аллеи выехали два велосипедиста, парень и девушка. Они спешили перед мостом и перешли на ту сторону. Она проводила их взглядом.

– Так как насчёт совместной прогулки? – мужчина улыбнулся, на этот раз улыбка выглядела более естественно. – Обещаю не приставать.

Она замерла. Внутри боролись благодарность и брезгливость, любопытство и отторжение. Она вслушивалась в свои инстинкты. Инстинкты говорили, что этот человек неопасен. Она приняла приглашение.

Они шли по прямой бетонной дороге. По обе стороны шелестели на лёгком ветру тополя. Мужчина курил. Девушка крутила головой, всматриваясь в тополиную рощу, пытаясь угадать местоположение Волшебной аллеи. Наконец она не выдержала: «Нам далеко?». Мужчина выдохнул дым: «Уже пришли».

– И где аллея? – девушка окинула взглядом плотные заросли тополей у обочин и подобралась готовая отразить нападение.

– Мы на ней, – ещё один дымный выдох.

Девушка непонимающе посмотрела на мужчину. Он лукаво усмехнулся: «Обернись». Взгляд девушки сочился недоверием. Мужчина продолжал улыбаться, время от времени делая затяжку. Она развернулась, чтобы уйти и замерла...

Двадцать метров пройденного пути превратились в сотню. Аллея, обрамленная тополиными ветвями, вытянулась в полузаброшенную лесную дорогу. Перила моста в далёком просвете казались такими маленькими.

– Интересный эффект, правда? – в голосе мужчины прозвучал сдержанный смешок. – Особенно красиво здесь при полной луне. Тогда и время растягивается.

– Но я столько лет здесь хожу...

– И ни разу не замечала? – зрочки мужчины встретились со зрачками девушки. – Ты даже не представляешь, сколько вещей не замечаешь, проходя мимо них каждый день, и сколько вещей ты никогда не увидишь, потому что не покинешь привычных маршрутов.

Он отвернулся и сделал затяжку. Она переводила взгляд с него на далекий мост в конце аллеи. Давняя жажда исследования окружающего пространства открыла глаза.

– Я могу показать это всё тебе, – окуроч полетел на бетон.

– И что взамен? – вновь борьба любопытства и осторожности.

– Общение, – образцовое равнодушие в голосе.

Он увидел, как она согласилась, даже толком не осознав этого. Она развернулась и пошла по аллее дальше. Он шёл чуть позади. Окуроч на бетоне побледнел, стал полупрозрачным и исчез.

Вскоре бетон закончился идеально прямым порожцем. Дорога же продолжилась, превратившись в грунтовку. Справа, прямо на стыке бетона и укатанной почвы, к первой дороге под прямым углом примыкала ещё одна. Она поднималась по склону холма к нескольким частным домикам. Девушке всегда было интересно, кто может жить в таких местах.

Мужчина и девушка не стали сворачивать, и через полсотни метров грунтовка вывела их к тропинке над речными обрывами. Девушка остановилась, любуясь пейзажем. На том берегу зажатый с двух сторон лесистыми гривами поднимался центр города.

– Говорят, эти места любит оборотень, – взгляд мужчины прошёлся по зеленым взгоркам обрывов взрезанных оврагами.

– Я знаю эту легенду, – девушка убрала попавшую в глаза чёлку, – Если ей верить, у нас в городе живет оборотень-неформал: щеголяет белой шкурой, от луны не зависит, следов не оставляет. И ни одного рассказа о жертвах. Может он веган?

Мужчина улыбнулся и зашагал по узкой тропинке: вверх на покатые спины взгорков, вниз к верховьям оврагов. Она шла следом, то и дело спотыкаясь. За многие годы тропинку вытоптали до колеи. Слева шелестела тополиная роща, справа почти отвесно обрывались в прозрачно-голубую пустоту заросшие высокой травой луга. Внизу под утесами – тянулись нить железной дороги, тонкая тополиная лента и река.

– Здесь есть ещё одно, наверняка знакомое тебе место, с интересными особенностями, – мужчина шел вперед, не оглядываясь.

– Вы о «Стоунхендже»? – взгляд девушки буравил спину мужчины. Стоунхенджем в шутку называли круг из четырех железобетонных балок в рост человека хаотично наклоненных в разные стороны. Об этом месте над обрывами ходило немало легенд.

– Да, – лопатки мужчины прыгали вверх-вниз под полосатой футболкой.

– Там хорошо, – девушка немного помолчала, затем добавила, – и красиво.

В круге «Стоунхенджа» никогда не росла высокая трава. Кусок земли ограниченный балками покрывал густой, тёмно-зеленый, почти английского вида, газон. И ни один злак, вьюнок или одуванчик не смел теснить невысокую жёсткую травку..

Она обошла «Стоунхендж» и остановилась у любимой балки-столба. К этому столбу она приходила в горе, страхе или ненависти, утыкалась в него лбом и негромко, иногда шепотом, жаловалась, ругалась, спрашивала совета, рассказывала события. Столб молчал и слушал бесконечно терпеливый, непоколебимо надежный. Девушка прислонилась лбом к шершавому бетону и закрыла глаза. От бетона исходило ласковое сильное тепло. Столб был тёплым всегда, в любую погоду. Девушка не посещала «Стоунхендж» зимой, но подозревала, что в особо холодные дни и ночи любимый столб окутывал пар.

– Тепло, – она улыбнулась, не открывая глаз.

Мужчина не ответил. Он смотрел, как она легко и ласково словно большого пса гладит шершавый бетон. Через пару минут девушка открыла глаза и выпрямилась. На её лбу розовел хаотичный узор из линий, кружков и овалов.

– Говорят, это, – мужчина указал на балки и круг тёмной травы, – выход из тайного крепостного туннеля. Того самого, что до сих пор ищут.

Девушка посмотрела на «Стоунхендж», потом в сторону Крепости, затем на мужчину: «Это правда?».

– Нет. – Мужчина закурил. – На самом деле выход был на том берегу. – мужчина указал пальцем на небольшую группку тополей, зажатую между новым супермаркетом и железнодорожной насыпью. – Сам туннель давно осыпался. Река, землетрясения и время сделали своё дело.

Он выдохнул дым.

– Откуда Вы это знаете?

– Знаю и всё, – мужчина дёрнул плечом. Сигарета медленно исходила пеплом.

Внизу, под обрывом, загрохотал товарняк. Мужчина вздрогнул и бросил не докуренную и до половины сигарету в высокую траву.

– Хочешь посмотреть на поезд? – в глазах мужчины вспыхнуло озорство.

Девушка посмотрела на пологий обрубленный обрывом склон и ощутила, как наливается тяжестью солнечное сплетение: «Нет».

– А я хочу, – мужчина спустился к самой кромке утеса и чуть наклонился вперед. Внизу мелькали заполненные углем вагоны. Он обернулся и призывно махнул рукой. Девушка отрицательно мотнула головой.

Вагоны шли нескончаемой вереницей. Земля пульсировала под тяжелыми колесами. Мерные толчки поднимались по телу утеса до самой вершины. Девушка чувствовала их, едва уловимо, через подошвы кед.

Он стоял на самом краю. Она не успела уловить момент, когда почва под его ногами, раскрошившись, осыпалась. Он исчез за краем обрыва. Внизу продолжал грохотать поезд.

Она вскрикнула, кинулась было к краю, но, вспомнив о ненадёжности почвы, отпрянула. В голове метались мысли. Он не мог выжить. Высота утеса не столь велика, но поезд... Вспомнился парень с дамбы. Девушка нервно ходила по высокой траве, выписывая беспорядочные петли.

– «Что делать? Что делать? Что делать?»

Поезд ушёл. По рельсам отгрохотал последний вагон, мир наполнила давящая тишина. Девушка села в траву.

– Вот жеж, угольная крошка! Угораздило, – раздался за её спиной знакомый мужской голос. Её подбросило, она одним движением развернулась и увидела у «Стоунхенджа» улыбающегося мужчину с тусклыми дымчато-серыми глазами, живого и невредимого.

– В этот раз я не специально, правда, – в голосе мужчины послышались извиняющиеся нотки.

Она попятилась, вспомнила об обрыве за спиной и замерла: «Кто ты?».

Он усмехнулся. Его лицо на несколько мгновений превратилось в бежевое месиво, затем вновь обрело форму. Теперь на неё смотрел парень лет двадцати, который задирает её под мостом, который прыгнул в мокрую черноту бетонного мешка, который... Неизменными остались только глаза, тусклые дымчато-серые глаза. Парень подмигнул ей. Его лицо расплылось, тело раздалось в стороны, рост уменьшился. Через несколько мгновений на месте парня стояла сморщенная полногрудая старушка с тусклыми дымчато-серыми глазами.

Сознание девушки затопила паника. Бежать некуда: за спиной обрыв, по бокам глубокие овраги, впереди Это. Последние остатки здравого смысла настойчиво твердили, что овраг с синяками, ссадинами, а возможно и переломами, весьма приемлемый вариант. Всё что угодно лишь бы не приближаться, лишь бы не проходить мимо.

Существо вернуло себе облик мужчины, губы растянулись в скалящейся улыбке: «Кто я? Угадай!».

– Что тебе нужно? – её пальцы дрожали.

Он достал пачку сигарет, закурил, медленно выдохнул дым: «Ты».

Дрожь поднялась до локтей, поползла до плеч и растеклась по всему телу. Он курил, улыбался и смотрел на неё. Она неожиданно осознала, что достигла предела страха. Бояться ещё больше она просто не могла. Он стоял, смотрел, курил. Страх переплавился в гнев.

– Оставь меня в покое! Сгинь! Исчезни! – её голос звенел.

– Как скажешь, – он бросил окурочек и исчез, оставив после себя клочок примятой травы.

Она, обессилев, села на землю. Из глаз потекли слезы.

Она не помнила, сколько сидела так, плача и содрогаясь. Постепенно слёзы иссыкли. Она заставила себя подняться. В тополях шелестел ветер. Где-то высоко и отрывисто кричала птица. Девушка медленно и осторожно подошла к месту, где совсем недавно стоял мужчина, и посмотрела на пяточек примятой травы. Она не знала что надеялась там увидеть. Обугленные отпечатки копыт? Неплотно захлопнувшийся люк?

К первой птице присоединилась ещё одна. Ветер крепчал. Она обошла примятую траву по широкой дуге и вышла на тропинку. По глади реки кто-то плыл в весельной лодке. Ветер доносил отзвуки гитарной мелодии. Она шла по узкой тропинке к невидимому за тополиной рощей мостику над водопадом, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на бег.

Улицы Старокузнецка знакомые с глубокого детства всегда утешали и поддерживали её. Светлая ностальгия согревала и успокаивала. Оставив позади железный мост и Водопадный ручей, девушка окунулась в исцеляющее тепло знакомых дворов и улиц. Она не выбирала направление, бесцельно блуждала, выходила под солнечные лучи и пряталась в тень. Через час она уже не верила в реальность произошедшего, признав его галлюцинацией, красочным дебютом. Признание, принятие, психической болезни, наверно это шизофрения, далось ей довольно легко. Зато возникшая неотвратимая необходимость как-то с этим жить колола тысячей иголок. Её пугала реакция знакомых, друзей и родственников, которые рано или поздно всё равно узнают о её диагнозе. Как они отреагируют? Будут жалеть? Смеяться? Ругаться? Как изменится их отношение? Каким станет мир, узнав? Она почувствовала себя дефектной, не имеющей права существовать. Она ощутила вину.

Улицы, спасавшие от любой напасти, на этот раз оказались бессильны. Она прошла мимо пятиэтажных хрущевок, мимо часовой башенки. Все три циферблата часов показывали разное время.

– «Я как эти часы». – Бело-жёлтый дворец культуры. Мимо.

Через большие высокие арки она вошла в парк.

Парк Аллюминшиков не пустовал никогда. В любую погоду любого времени года в нем гуляли дети. В парке можно было найти развлечение для каждого.

Один из дальних углов парка занимал массивный заброшенный в давние времена стадион. Его ворота запирались на большие тяжелые амбарные замки, однако самые рискованные всегда находили способ пробраться внутрь: побегать по растрескавшимся и заросшим сорняками дорожкам, покричать, слушая эхо, посидеть на грязных пластиковых креслах.

В противоположном углу парка стояло колесо обозрения, совсем небольшое, не выше окружающих тополей. У колеса в стеклянной будке сидел надзирающий за ним старик. В его обязанности помимо ремонта входил сбор билетов, однако он частенько пускал ребятишек покататься бесплатно.

Между стадионом и колесом обозрения располагалась открытая летняя сцена с настоящими кулисами и рядами облупившихся низких лавочек. На сцене выступали коллективы местного дворца культуры и все желающие. На сцене декламировали стихи, пели, фальшивя и дыша на первые ряды перегаром, танцевали кадрили, танго и канкан, рассказывали о больших пандах и жизни на Марсе, играли на пиле, арфе и барабанах, иногда даже одновременно, ставили спектакли и разыгрывали сценки, но никто и никогда не заходил в кулисы, превращенные в общественный туалет.

Ещё в парке были качели-лодки, на которых подростки крутили «солнышко»; раскрашенный героями советских мультфильмов пассажирский вагон, в котором показывали диафильмы; асфальтовые дорожки с разметкой, пешеходными переходами, дорожными знаками и работающими маленькими светофорами; а ещё медленные карусели, огромные песочницы и лавочки-диваны.

Она вошла в парк. В парке шумели дети. Иногда сквозь детский гомон пробивался голос чьей-нибудь мамы, зовущей домой или пресекающей опасную игру. На открытой сцене резвились подростки. Девушка села на пустующую лавочку. Голова трещала от мыслей. Распухшее солнце висело над западным краем горизонта. Парк пронзали длинные тонкие тени. Девушка откинулась на спинку скамейки и закрыла глаза. Мир превратился в совокупность звуков: крики детей, шум аттракционов, смех подростков – мысли замедлились – шелест листьев, чьи-то шаги по асфальту. Девушка медленно вдохнула и выдохнула, прислушиваясь к своему дыханию. Мысли исчезали. Девушка слушала звуки парка: яростный скрип качелей – кто-то раскручивал «солнышко», далёкое «бип-бип» веломобильчика, тихие невнятные голоса за шелестом листьев. Девушка вслушалась в голоса, стремясь разобрать отдельные слова. Голоса превратились в громкий отчётливый шепот. Девушка никак не могла понять о чем они говорят. На деревьях налетел ветер. Голосов стало больше, они заговорили быстрее. Девушке казалось, что она вот-вот разберёт слова. Ветер трепал кроны деревьев. Голоса говорили. В них не звучали угроза, злоба, мольба или страдание. Они просто говорили, шептали сквозь шелест листьев. Девушка резко открыла глаза. Голоса пропали. Шелест листьев остался. Она ощутила озноб.

Солнце коснулось горизонта. Мамы самых маленьких, не спеша, собирались домой. Подростков на сцене стало больше. Ветер шелестел в деревьях. Голоса ушли, но она знала, они прячутся там, в шелесте листьев, ждут, когда она закроет глаза. Девушка встала и, не глядя по сторонам, ушла из парка.

Солнце садилось. Дети покидали парк. Им на смену приходили подростки. Растекающиеся темные тени служили им убежищем от вездесущих глаз взрослых. Они танцевали на сцене и целовались на лавочках, писали на раскрашенном вагоне мелом, потому что всё ещё любили его, неприличные слова и курили у стадиона. Они говорили, смеялись и сплетничали.

На небе истаяли последние оттенки красного. Подростки один за другим уходили из парка, возвращаясь в родительские дома. Последние из них шагали под тёмно-голубым небом с единственной белой звездой.

В парке зажглись фонари. Их свет привлек влюбленные пары и одиночек. Атракционы молчали. На летней сцене кипела жизнь. Лавочки превратились в островки уединения.

Темнело. Свет фонарей всё жестче резал тени. На небе загорались самые упрямые звёзды. Парк пустел, наполняясь тишиной. К двум часам ночи парк затих окончательно. Исчезла суэта и с прилегающих улиц. Горожане спрятались за стенами домов.

Из-за жестяной крыши робко выглянула луна. Из травы парка, асфальтовых дорожек, песчинок поднялись белые отливающие перламутром бесформенные тени. Из окон редких автомобилей они казались клочьями тумана. Тени медленно переплывали с места на место, собирались в небольшие компании и перешептывались.

Когда луна оторвалась от жестяной крыши, в парк вошло существо в облике молодого мужчины – ёжик чёрных волос, высокие скулы, дымчато-серые глаза. У него было имя, как и у всех подобных ему, но он не любил его. Долгое, с дурацкой приставкой. Раньше у него были другие имена, короче и благозвучнее. Особенно он любил одно из них, звонкое, как удар молота по наковальне. Но это имя осталось в прошлом.

Он никогда не видел подобных себе, зная об их существовании и именах лишь по обрывкам эмоций и вырванным из общего гула фразам на перронах.

Он остановился в центре парка. Белые перламутровые тени потянулись к нему со всех сторон, заключая в кольцо. Мужчина протянул руку и коснулся одной из теней. Тень обрела плотность и налилась яркими красками.

– Давно тебя не было, – невнятный шепот превратился в звонкий женский голос.

– Я был занят, – мужчина достал из воздуха сигарету и закурил.

Женщина вышла из круга теней и заплясала на траве.

Мужчина одной рукой подносил ко рту сигарету, а другой прикасался к теням. Они обретали человеческий облик – женщины, старики, юноши, мужчины, дети. Они выходили из редющего круга теней, смеясь, а потом играли в салочки, гуляли под ручку, о чём-то спорили, собравшись в кружок. Некоторые просто сидели или лежали на траве. Мужчина с дымчато-серыми глазами задумчиво ходил среди них, то и дело поднося ко рту сигарету.

– И давно ты дымишь? – рядом с мужчиной возник высокий безбородый старик.

– Лет семьдесят, – мужчина с усилием выдохнул большое облако чёрного дыма, через пару мгновений растаявшее в воздухе. Откуда-то сбоку послышался удивленно-восторженный мальчишеский возглас. Старик толи уважительно, толи осуждающе покачал головой и отошёл.

Мужчина курил и смотрел в начинающее светлеть небо. Люди вокруг него притихли, ощущая, как близится к концу дарованное им время. Дети бродили по газонам, подбирая сосновые шишки, монетки, забытые игрушки. Пары молча обнимались. Старики спешили закончить разговоры. По парку расползлась тишина. Небо светлело. Мужчина бросил окурочек в траву и прошёл в центр парка. Со всех сторон к нему потянулись люди. Он ощутил, как внутри сжимается холодная пружина боли.

– Я вернусь, – слова упали хрипло, с усилием.

Они стояли вокруг и смотрели на него. Июньские ночи слишком коротки.

Порыв предрассветного ветра разметал тела людей в клочья тумана, которые через несколько мгновений растаяли без следа. Их шепот остался в шелесте листьев.

6 глава

Она сидела на кровати и смотрела на оклеенную обоями стену. Дымчато-серые глаза. Они преследовали её. Они были везде, на каждом лице, в отражениях, тенях. Они смотрели с лиц кассира гипермаркета и сварливой соседки, попугайчика в маршрутке и лаборанта на факультете, девочки с ярко-красным мячом.

Она уже неделю не смотрела в зеркало, боясь увидеть... дымчато-серые глаза были везде, они следили за ней. Даже сейчас. Даже сейчас они смотрели из зеркальной глубины, из-под потолка, через окно.

Мысли и чувства толкались в тесном пространстве черепа. Голова начинала болеть. Она медленно помассировала глаза. Дымчато-серые. Она ударила затылком о стену. Голова до краёв наполнилась болью. Несколько секунд божественного безмыслия. Она ударилась ещё раз. Сильнее. Что-то хрустнуло, толи в шее, толи изнутри черепа.

Она вскочила с кровати, достала с полки цветные карандаши, фломастеры, набор гелевых ручек. Ладонь внезапно свела судорога. Карандаши, ручки, фломастеры рассыпались по ковру. Она, шипя и ругаясь, размяла затвердевшую мышцу, опустила на колени и взяла в руки фломастер. По обоям поползла толстая оранжевая линия.

Она рисовала, тщательно выводя каждый штрих. Рисование помогло отвлечься, переключиться, забыться.

Шло время. Обои в комнате покрылись узорами, цветами и лицами. Яркими, сочными. Руки устали, ноги затекли.

Она отложила карандаш, с трудом встала и немного попрыгала на цыпочках, разгоняя застоявшуюся кровь. Взгляд упал на одно из нарисованных лиц, задержался на несколько мгновений и переполз на другое разноцветное лицо. С внезапной ясностью она представила, как все эти лица смотрят на неё в темноте дымчато-серыми глазами.

Она взвизгнула, подцепила ногтями стык обоев и дернула. От стены с тихим треском отделилась неровная полоса. За первым куском последовал второй, за ним третий. Она остервенело рвала обои. На полу росли бумажные горы.

Приступ панической ярости миновал столь же внезапно, как и начался. Она выпустила из рук кусок обоев и огляделась. Её окружал серый бетон местами стыдливо прикрытый белыми клочками. Бетон подавлял, его цвет напоминал о глазах... Она выскочила из комнаты, торопливо оделась и выбежала из квартиры. Непривычно медленный лифт, домофонная дверь, улица.

На улице ей немного полегчало. Серые давящие стены исчезли. Серое давящее небо находилось слишком высоко. Стоять было невыносимо, вернувшиеся мысли гнали вперёд. Она рванулась.

Она летела по трамвайным путям мимо промышленного депо, частного сектора, осиновых зарослей. Серое небо бурлило. Тёмные крутобокие облака сталкивались, боролись, щетинились и огрызались громовыми раскатами. Горячий липкий воздух забивал лёгкие. Она чувствовала, что через сотню метров ей придётся сбавить темп. Позади загрохотал трамвай. Она отошла в сторону. Трамвай взобрался на речную террасу и скрылся за кромкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.